

*Моим отцу и матери,
которые сделали все возможное.*

• ДЖИВАН •

— ОТ ТЕБЯ ПАХНЕТ ДЫМОМ, — сказала мне мать.

И я стала тереть себе волосы овальным бруском мыла и вылила на себя целое ведро воды, пока сосед не пожаловался, что я трачу утренний привоз.

В тот день был комендантский час. По главной улице каждые полчаса медленно проезжал полицейский джип. Поденщики, вынужденные идти на работу, возвращались домой с поднятыми руками, показывая, что у них нет оружия.

В кровати, разметав мокрые волосы по подушке, я взяла свой новый телефон — купленный на собственные деньги, еще защитную пленку с экрана не сняла.

В соцсети обсуждали только одну тему.

Эти террористы напали не на тот район

#НападениеНаПоездКолабаган #Непобедимые

Друзья, если у кого есть пятьдесят рупий, обойдитесь сегодня без самосы и пожертвуйте их...

Чем дальше я листала ленту, тем больше рассказывалось.

В новостном ролике, снятом специально для 24-часового шоу, показывают как... Бдение при свечах в...

Накануне вечером я была на станции, туда от моего дома не больше пятнадцати минут пешком. Я должна была видеть людей, которые заглядывали в открытые окна и бросали в остановившийся поезд горящие факелы, но видела я только вагоны — они горели, двери у них были заперты снаружи, горячие — не дотронуться. Огонь перекинулся на домишки рядом со станцией, их обитателей стал душить дым. Погибло более ста человек. Правительство обещало семьям погибших компенсации — восемьдесят тысяч рупий! — которые... ну, правительство много чего обещает. На видеозаписи премьер-министр — ему в подбородок уткнулось не меньше дюжины микрофонов — говорил: «Пусть соответствующие органы проведут расследование». Кто-то вставил в это видео перебивку: полицейские чешут в затылке. Получилось смешно.

Меня восхищали эти незнакомцы в сотсети, которые что хотят, то и говорят. И не боятся шутить. Хоть полиция, хоть министры, они над всеми смеются, и разве не это называется свободой? Я надеялась,

что после еще нескольких зарплатных чеков, когда я дослужусь до старшего продавца в «Панталунз», я тоже буду в этом смысле свободна.

Ниже на той же странице — видеоклип. На переднем плане женщина: волосы растрепаны, черная струйка из носа стекает на губы, глаза налиты кровью. Она стоит на наклонной платформе нашей маленькой станции и кричит в микрофон: «Там стоял полный джип полицейских; спросите их, чего они стояли и смотрели, когда мой муж горел. Он пытался открыть дверь, спасти нашу дочь, пытался, пытался...»

Этим видео я поделилась и добавила заголовок: «Оплачиваемые правительством полицейские смотрели и ничего не делали, а эта женщина потеряла все».

Так я написала.

Потом я положила телефон рядом с собой и задремала, от жары слипались глаза. А когда проснулась и проверила телефон — там было всего два лайка. Посмотрела через полчаса — те же два лайка.

А потом какая-то женщина, я ее не знаю, откомментировала: «Откуда ты знаешь, что она не врет? Может, внимания хочет!»

Тут я села. Я что, с этой теткой во френдзах? На фото в профиле она позировала в ванной.

«Ты вообще смотрела видео?» — ответила я.

Слова этой бессердечной женщины не шли из головы. Да, они вызвали у меня раздражение, но и еще как-то зацепили, вывели из равновесия, завели. Но не так, как заводиться, когда нет воды в муниципальной колонке или вырубают свет в самую жаркую ночь. Может быть, это все из-за праздности, душевное волнение от безделья?

Для меня этот день был в конце концов выходным. Мать приготовила рыбную мелочь — мы ели ее с костями и хвостами. Отец грелся на солнышке, боль в спине у него на время отступила.

Я листала ленту и видела, как посты о нападении на поезд зарабатывают пятьдесят, сто, триста лайков. А мой не лайкал никто.

И тогда я на маленьком светящемся экранчике написала глупость. Написала опасную вещь — те слова, которые даже думать нельзя, не то что писать.

Прости, мам.

Если полиция не помогает простым людям вроде вас и меня, если полиция смотрит, как они гибнут, не значит ли это, — написала я в соцсети — что само правительство — тоже террорист?

На улице медленно крутил педали велорикша. Единственным пассажиром была его маленькая дочка, и клаксон радостно бибикал, приводя ее в восторг.

• ЛАВЛИ •

ВОСКРЕСНОЕ УТРО! Пора на урок актерского мастерства. Покачивая бедрами так и этак, прохожу мимо продавца гуавы.

— Брат! — окликаю я его. — Сколько времени?

— Половина девятого, — бурчит он. Ему неохота делиться со мной показаниями своих наручных часов. Бог с ним. Оставив свою стильную походку, припускаю лошадиной рысью к железнодорожной станции. И уже в поезде, когда я прикасаюсь к груди и ко лбу, произнося молитву за тех бедняг, что недавно погибли на этой самой станции...

— Кто там толкается? — кричит какая-то тетка. — Прекратите!

— Этой хиджре¹ обязательно в нашем вагоне чухаться? — шипит продавец арахиса, будто у меня ушей нет.

---

¹ Хиджра — в Индии, Пакистане и Бангладеш одна из каст неприкасаемых, в которую входят кастраты, трансгендеры и гомосексуалисты (*Здесь и далее — прим. ред.*).

Для таких, как я, все непросто, даже какой-то час в поезде. Мои груди — из тряпок. Ну и что? Найдите во всем городе хоть одну женщину, чтобы была настолько женщиной, как я.

Сквозь толпу пробирается безногий нищий на доске с колесами, едет прямо по ногам.

— Подайте монетку, — ноет он. На него орут:

— Куда прешь?

— Слепой, что ли?

— Куда мне встать, тебе на голову?

Наконец он огрызается:

— Давай я тебе ноги отрежу, посмотрим, как ты запрыгаешь!

Все это вызывает у меня совершенно неудержимый смех. Вот за что я люблю местные поезда. Можно сжечь целый поезд, но нам все равно надо добираться до работы, до учебы, до семьи — если таковая имеется. Каждый местный поезд — он как кино. В вагоне я смотрю на лица, жесты, слушаю голоса, перебранки. Благодаря им учатся такие, как я. Когда поезд раскачивается, набирая скорость, ветер треплет мне волосы, я хватаюсь пальцами за потолок, выпрямляюсь и делаю растяжку, чтобы подготовиться к занятиям у мистера Дебната.

* * *

Мистер Дебнат сидит в кресле, пьет чай из блюдца. Так чай остывает быстрее, и не приходится на него дуть.

Мне рассказывали о преподавателях актерского мастерства, которые своих учеников используют. Но мистер Дебнат не такой. У него принципы. В юные годы у него был шанс самому снять фильм, но шанс этот был в Бомбее. Пришлось бы туда ехать на полгода как минимум, а у него в это время старуха-мать лежала в больнице. Это ж кем надо быть, чтобы в погоне за мечтой бросить мать? Он пожертвовал мечтой и остался с матерью. Рассказывая нам эту грустную историю, он плакал — единственный раз я такое видела.

У ног мистера Дебната сидят шестеро других учеников. Бриджеш, он работает электриком, Румели — продает волшебную мазь от сыпи, Пеонджи — клерк в страховой компании, Радха — учится на медсестру, и Джоита, счетовод отцовской лавочки по перезарядке фломастеров. Чем занимается Кумар, никто точно не знает, потому что он только смеется в ответ на все вопросы.

Все мы экономим, экономим и сдаем на каждом занятии по пятьдесят рупий.

Сегодня в гостиной — это наша сцена — мы сдвигаем в сторону обеденный стол и разыгрываем этюд: муж подозревает свою жену. После нескольких, скажем так, не самых блестящих выступлений настает моя очередь. Я пристраиваю на полу телефон — записать себя, чтобы было потом, что разбирать, — выхожу на середину комнаты и поворачиваю голову слева направо и справа налево. Покойные родители мистера Дебната, вечная им память, строго смотрят на меня со стен. Мне становится жарко, хотя вентилятор работает на полную мощность.

Пора выступить! На сей раз мой партнер — Бриджеш, электрик. Согласно сценарию, который нам дает мистер Дебнат, Бриджеш — точнее, подозрительный муж — должен схватить меня за плечи сильно и злобно. Но он едва прикасается ко мне. Приходится выйти из роли:

— Не так! — говорю я. — Ты меня держишь, будто я нежный цветочек, какие уж тут сильные чувства? Я должна их ощутить — твой гнев, бешенство! Давай!

Мистер Дебнат такое одобряет. Если ты сам этого не чувствуешь, всегда говорит он, как это почувствует твой зритель?

Так что я бью Бриджеша по плечу, слегка бью, чтобы хоть немного разозлился, чтоб вел себя со

мной по-мужски. Он что-то бормочет себе под нос, и я говорю:

— Не поняла! Вслух скажи!

Бриджеш продолжает что-то мямлить, а потом выдает:

— Уфф... Лавли, не заставляй меня это говорить. Не могу я изображать семейную сцену с человеком, который наполовину мужчина.

Тут часы бьют одиннадцать раз, и мы все их молча слушаем. У меня щеки горят. Нет, я давно к такому привыкла — на дороге, в поезде, в магазине. Но на занятиях по мастерству? От Бриджеша?

Так что я просто отбрасываю его оскорбление в сторону. Как мусор.

— Слушай, Бриджеш, — говорю я ему. — Ты мне как брат. Если я могу играть с тобой романтику, то и ты со мной можешь!

— Вот да, — подтверждает мистер Дебнат. — Если относишься к фильму серьезно, то надо погружаться в роль целиком...

Мистер Дебнат читает Бриджешу целую лекцию. Когда он делает паузы, слышно, как тикают часы на стене.

И наконец Бриджеш по предложению мистера Дебната складывает ладони, прося у меня прощения, а у меня уже тоже слезы стоят в глазах. Руме-